

ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ

СЕМЕРО СВЯТЫХ ИЗ
ДЕРЕВНИ БРЮХО

Людмила Евгеньевна Улицкая
Семеро святых
из деревни Брюхо
Серия «Русское варенье
и другое (пьесы)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163850

Содержание

Действующие лица	4
Пролог	6
Картина первая	9
Картина вторая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Людмила Улицкая

Семеро святых

из деревни Брюхо

Пьеса

Действующие лица

ДУСЯ, средних лет, блаженная

МАНЯ ГОРЕЛАЯ, средних лет, юродивая

АНТОНИНА, без возраста, хожалка Дуси

НАСТЯ, молодая, хожалка Дуси

МАРЬЯ, без возраста, хожалка Дуси

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ, старый священник

ТИМОША РОГОВ, совсем молодой

АРСЕНИЙ РОГОВ, около тридцати

ГОЛОВАНОВ, средних лет

НАДЯ, молодая

СУЧКОВА, старуха

ВЕРА, совсем молодая

ДЕВЧОНКА

ХУДАЯ ЖЕНЩИНА с ребенком

СЕМЕНОВ, СИДОРЕНКО, ХВАЛЫНСКИЙ, МУХА-

МЕДЖИН, красноармейцы, они же омововцы ЛЮБА

Пьеса была поставлена во Фрайбурге, Москве и Тюмени. Она игралась без пролога и эпилога, которые были написаны позже и являются в некотором роде уступкой публике, и не представляются автору необходимыми. На усмотрение режиссера.

Людмила Улицкая

Пролог

ГОЛОВАНОВ. Здешний я. И отец, и дед, и прадед. Нас в этих местах все знают. И мы, Головановы, тоже всех знаем. Место наше особенное по своей неопределенности: ни то ни се. Лет двести тому назад была обыкновенная деревня с некрасивым названием Брюхо. Глухие места. Проезжал по здешней дороге тамбовский, говорят, купец Никитин, и напали на него грабители. Связали Никитина и возчика его, а лошадок с товаром угнали. Дело было зимнее. Лежит купец и чувствует, что замерзает. Он взмолился к Божьей Матери и видит, что вдали огонек засветил и все сильнее светит. И вышел тут старичок весь сияющий, сами знаете кто. А в руках икона небольшая, вот такая. Он, старичок, эту иконку на дерево повесил и исчез. А от нее такое тепло пошло, что привиделись Никитину травка да цветы. Наутро нашли добрые люди купца и возчика его живыми и невредимыми, развязали и обогрели. И икону увидели – висит на дереве.

А в пяти верстах нашли и лошадок с товаром.

Испугались чего-то разбойники. Всё побросали и сбежали... В тот же год поставил Никитин здесь часовню для спасительной иконы. И многие сюда приходили, получали исцеление и всяческое облегчение... А потом на этом месте построили церковь. Деревня в село преобразилась. И была ничего себе. Однако лет через сто на полпути к Городку откры-

ли валяльную фабрику, и народ деревенский разбаловался, хлеб сеять перестал. Сначала ушли на фабрику мужики по-плоту, а через несколько лет, соблаздившись безответственной работой, оторвались от земли и хорошие. Говорили так: «Ихняя работа меряная, начал и кончил, а наша, на земле, немеряная, как лег в землю, так и конец». И осталось крестьянствующих несколько дворов, другие стали жить пролетариями, и даже бабы потянулись в работницы. Вообще же места наши славятся святостью: с давних времен поселился в глухих окрестных лесах святой человек, тот самый старичок, о котором я... Долго жил он в уединении, а потом стали к нему собираться и другие, подвизавшиеся в духовном подвиге. С годами обстроились церквями и монастырями, обзавелись монашествовавшей братией. Со всей России сходились и съезжались сюда богомольцы и страждущие. После того, первого старца, святые уже не переводились в наших местах. Революция, конечно, все поменяла, но не сразу и не окончательно. Новая власть в то время, хотя и показала уже свою кровавую свирепость, но не совсем еще утвердилась. Однако во мнении людей обыкновенных, не завлеченных идеей полной переделки мира по фасону новой справедливости, была эта власть неправильная, слишком кровавая, да притом и ветродуйная. Начальничали теперь люди либо пришлые, часто даже и чужекровные, либо из местных самые никчемные и с дурной славой. Да что там говорить... В наших местах к Божьему чуду привыкли как к дождю или к снегу, и потому

больше уповали на непостижимую справедливость Божьего суда, чем на справедливость – тоже, впрочем, непостижимую – начальника местной советской власти Сеньки Рогова, человека, между прочим, из наших мест.

Была в нашей деревне и своя блаженная Дуся. Неходячая. Провидица, много чудесных дел делала. Раньше ее зимой на санках, летом на колясках по всей России возили, а году что ли, в десятом она одной богатой барыне сына исцелила. И та хотела ей чуть не все состояние отписать, а Дуся попросила дом ей в родной деревне, здесь, в Брюхе, купить... Барыня ей дом и купила. Ходили за Дусей три женщины, хожалки, при ней и кормились. А еще была в Брюхе примечательная особа Маня Горелая. Тоже знаменитая, но в другом роде. Прозвище свое получила за следы ожогов на щеках. Была она беспримерной ругательницей и как будто ясновидящей: все знала про всех, и прошлое, и будущее. Ее побаивались, однако за честь считали, если она к кому в особо сильные морозы приходила в дом заночевать. А так на улице жила. Ни дома, ни двора. И была между двумя нашими блаженными вражда.

Картина первая

Двор возле Дусинога дома. Во дворе худая женщина с больной девочкой, завернутой в одеяло, согнутая пополам старуха Сучкова, Надька – молодая баба, красивая, но с подбитым глазом, беременная Вера, совсем юная, почти девочка. Поодаль, привалившись спиной к забору, дремлет одетый в городскую изношенную одежду Голованов.

Из дома слышится стройное пение. Поют акафист Божьей Матери. Пение, то затихая, то усиливаясь, то переходя в ритмическое чтение псалмов, будет звучать все время.

Антонина, в монашеском одеянии, в апостольнике подходит к крыльцу с полными ведрами. Увидев посетителей, выплескивает воду на землю и уходит откуда пришла.

ВЕРА. Уж который раз за водой идет. Чего ж она ее все выливает?

ХУДАЯ. Видать, не в воде дело. Смотри, колодец-то рядом, а она вон куда ходит...

СУЧКОВА. В колодце вода низовая, мутная да кислая. А там ключ святой.

ВЕРА. А чего ж она ее выливает? А в тот раз прям с крыльца выплеснула.

СУЧКОВА. Это по Дусину слову: если зверь нечистый

или человек сренется, или колокол грянет, или еще чего, не знаю, то вода и портится. Уж ни на мытье, ни на питье Дуся нипочем ее не примет.

ХУДАЯ. А правду говорят, что она не ото всех берет?

СУЧКОВА. Не, брать берет. Еду только не ото всех есть станет. Другой раз возьмет, да и раздаст. А подарки-то она брать любит. Платки как еще берет, и простые, и хорошие. И шали у нее есть, даже и золотого шитья. Она любит. А сама носит только платок белый, простой, вроде как фатой его повяжет и постирать не дает. А тут было годов десять или поболее платки у ней в сундуке сами собой погорели. Запахло вдруг тлелым у нее в келье, и уж по всей деревне понесло. Обыскались, где тлеет. А на другой день сделался у ней в келье воздух черен и дух смрадный, открыли сундук, а там одни уголья от платков.

ВЕРА. Ну и что она, Дуся-то?

СУЧКОВА. Дуся – в слезы. Как же, говорит, я теперь моих доченок одену, без платочков-то... Это, говорит, все Маня Горелая, она навела. Но тут-то она ошиблась, Маня в ту пору в Дивеево ходила, ее тут и не было.

Вера подбирается к окну, заглядывает внутрь.

ВЕРА. Батюшки-светы! А хлебов-то, хлебов! И несут, и несут. И считают. На что им столько?

НАДЯ. Отберут, если прознают. Нас с Пасхи два раза обкладывали. Сперва хлебом обложили, а потом медом. Знают, что мой Петр Фомич пчелок водит. Дай-ка гляну...

СУЧКОВА. Молчала бы лучше.

Надя оттесняет Веру от окна, заглядывает. Хватается за макушку.

НАДЯ. Ой!

ВЕРА. Ты чего?

НАДЯ. Вроде камушком кто лупанул... Смотри-ка!

Появляется Маня Горелая. Зипун на голове.

Подол задран, в подоле камушки. Достает камень, бросает в Надьку.

НАДЯ. Ой!

СУЧКОВА. Мань, ты чего обижаешь-то ее? Она, может, за помочью пришла, цельный день ждет, ты за что ее...

МАНЯ. Шуба волчья сукном крытая да ложек дюжина из барского дома... Ой, придавили тебя, придавили...

СУЧКОВА. Какая шуба, Маня, какая шуба? Ты чего на меня наговариваешь? Не брала я никакой шубы.

МАНЯ. Брала, брала. На спине и лежит. О, придавила-то как. И ложечки серебряные... Все воры, все... Кроме Ду-си. Она дура. Иди, иди к Дусе, она тебя выпрямит. А ты потом будешь серебряными ложечками по огненной сковороде шкрябать...

Сучкова крестится, пятится.

СУЧКОВА. Окстись, Маня. Не говори напрасно.

Антонина с полными ведрами проходит мимо Мани.

МАНЯ. Иди, иди. Исцелит тебя святая колода во имя пера, пуха и глухого уха! Исцелит... *(Пляшет вприсядку.)*

Антонина выплескивает воду из ведер, ставит ведра наземь. Машет рукой и снова уходит.

ХУДАЯ. Опять ей воду испортили...

СУЧКОВА *(Мане)*. Что говоришь-то, сатана!

Сучкова прячется за угол дома. Маня достает камень и бросает в Надю.

НАДЯ. Ты за что меня бьешь, Манечка?

МАНЯ. Небось, меду принесла?

НАДЯ. Принесла.

МАНЯ. А на что принесла?

НАДЯ. А гостинца Дусе, Манечка. В другой раз и тебе принесу.

МАНЯ. Нужен мне твой мед. Намажь им дырку-то свою, кошель лохматый. Хочешь быть етой, а будешь битой.

Маня, почесываясь, отходит. Садится наземь, очищает босые пальцы ног от грязи.

Сучкова высовывается из-за угла.

СУЧКОВА. Вот ведь злодырка, всех оговорит... И всюду суется, всюду лезет. Все ей надо... Надь, а ктой-то тебя так? Петр Фомич, что ли?

НАДЯ. Петр Фомич ни в жисть меня не тронет. Это я малек загуляла в Степанищеве, и прибила меня мужикова баба. А Петр Фомич меня жалеет. Поди, говорит, к Дусе, попроси,

чтобы отстать тебе от этого дела.

СУЧКОВА. Это ей ничто, ничто... Она тебе сухарика даст молёного, и отойдет. У ней молитва крепкая: и больных исцеляет, и бесов изгоняет. Лет, что ли, пять тому или семь в Латырино мальчонка утоп, так отец его бездыханного взял да верхами прямо к Дусе. Она мальчонку и подняла. Из мертвых восставила. Совсем здоров стал. Только через год обратно утоп.

ГОЛОВАНОВ (*зашевелился, привстал*). Милостивый государь Иван Густавович! Ужели вы не можете принять в соображение... Фу, какая гадость!

ВЕРА. А этот тоже за молитвой?

НАДЯ. Николай Николаич? Нет, он так упал. Шел мимо да упал. Тяжелое вино – вишь, как оно к земле клонит. (*Подходит к нему.*) Чего тебе, Николай Николаич? Может, попить принести?

ГОЛОВАНОВ. Ох...

Надя черпает воду в кадке, мочит ему лоб, Голованов хватает ее за руку, пытается поцеловать.

НАДЯ. Ты что, Николай Николаич? Ты отдыхай, отдыхай, милоч.

ГОЛОВАНОВ. Чем больше хочешь отдохнуть, Тем жизнь страшней, тем жизнь страшней, Сырой туман ползет с полей...

Нет, другое...

Мы дети страшных лет России...

Чем жизнь страшней, чем жизнь страшней...

ВЕРА. Стихи знает.

НАДЯ. Он культурный очень.

ВЕРА. Оно и видно.

НАДЯ. Пойдем. Домой тебя сведу.

ГОЛОВАНОВ (*ловит Надину руку, целует*). Ангел, прости меня. (*Надя его поднимает.*)

НАДЯ (*Сучковой*). Сведу его.

ГОЛОВАНОВ. Густав Иванович! Иван Густавович! Мой ангел! Честь имею и... никогда не потерплю, чтобы в моем присутствии...

СУЧКОВА (*Наде*). Ждать-то боле не будешь? Ты ж хотела молитовку получить... али нет?

НАДЯ. Другой раз. (*Уводит Голованова.*)

СУЧКОВА. А в тот год в эту пору дожди были.

Маня кончает свой педикюр и подходит к худой женщине с ребенком.

МАНЯ. Чего сидишь дура душой? Чего пришла?

ХУДАЯ. Дочка вот больная.

МАНЯ. А чего это она у тебя больная?

ХУДАЯ. Господь попустил.

МАНЯ. Ага, Господь попустил, а ты к Дусе, значит...

А по святым местам ходишь?

ХУДАЯ. Хожу.

МАНЯ. И в Киев ходила?

ХУДАЯ. Ходила.

МАНЯ. В Оптину ходила?

ХУДАЯ. Ходила, мамочка моя.

МАНЯ. В Дивеево ходила?

ХУДАЯ. Всюду, всюду ходила. К самому Иоанну Кронштадтскому ходила. Она еще махонькая была, как я ходила.

МАНЯ. И что, не помог тебе Иоанн Кронштадтский?

ХУДАЯ. Не помог. Царствие ему Небесное, ни чуточки не помог.

МАНЯ. А сама-то Богу молишься?

ХУДАЯ. Молюсь, матушка.

МАНЯ. Божью Матерь призываешь?

ХУДАЯ. Призываю.

МАНЯ. Не помогает?

ХУДАЯ. Не помогает.

МАНЯ. А доченька твоя, как ее святое имя?

ХУДАЯ. Елена. Еленочка.

МАНЯ. Твоя Елена, говорит она что?

ХУДАЯ. Какое говорит... бессловесная она. Смотрит только глазками.

МАНЯ. Не говорит, значит... А что, много ли грешит она?

ХУДАЯ. Мамочка моя! Какое грешит? Как грешить-то ей, ни ручкой, ни ножкой не шевелит, только-то и может, что плакать слезками бессловесными. Четырнадцатый годок уже.

МАНЯ (*становится на колени, смотрит на девочку*). Ан-

гел небесный, ни словом, ни делом не согрешает... Что ты таскаешь-то ее, дура пешеходная, по белу свету, как котенка? Иди домой, дура, иди... Будет тебе и радость, и утешение, погоди чуток, недолго уже ждать.

Женщина укладывает девочку на землю, встает перед Маней на колени.

ХУДАЯ. Исцелится?

МАНЯ. Домой иди, тебе говорят. Не нужна тебе колода святая, Дуська-то. Бери своего ангела и проваливай. Утешись скоро.

СУЧКОВА. Иди, иди... У ней слово верное. Как сказала, так и будет.

Женщина вынимает из-за пазухи платочек, развязывает, хочет дать Мане денежку.

МАНЯ. Иди, тебе самой скоро пригодится.

ХУДАЯ. Ох, разрешила ты меня, всю жизнь буду Бога о тебе молить...

Женщина взваливает девочку на плечо. Уходит. Маня размахивает рукой, как будто кадит, и поет дурным голосом «Со святыми упокой...». Потом садится на землю и, бросая мелкие камешки Дусе в окно, выкликает...

МАНЯ. Святая колода, моли бога о мне! Святая колода, моли бога о мне! Святая колода, моли бога о мне!

На крыльцо выходит хожалка Марья, выплескивает

на Маню горшок. Маня валится на спину, сучит ногами.

МАНЯ. Ой, святая колода святой водой поссали! Исполать! Исполать! Исцелили! Осветили! Только мирром не помазали!

МАРЬЯ (*говорит по-русски с мордовским акцентом, еле вяжет слова, но понимает все отлично*). Иди отсюда. Половина сатаны. День на крыша сидит, ночь на крыша сидит. Иди жопа.

Сучкова и Вера смеются.

МАНЯ. Чего смеетесь, дуры? Плакать будете. Ждите, ждите, дуры. Примет вас Дуся, напустит на вас святого духа, не продохнешь.

МАРЬЯ. И ты пошел вон!

ВЕРА. Я?

МАРЬЯ. Два пошел вон! Дуся бога молица. Все бога молица!

Маня, приплясывая и раскидывая камешки, уходит.

Картина вторая

Дусино жилище. Большая комната, разделенная надвое выгородкой или занавеской. Меньшую часть, с кроватью, Дуся называет «кельей». Дуся в постели, на горе подушек, перебирает четки. Платок повязан странно, два конца на лбу завязаны узлом, в который воткнуты бумажные цветы, а два других угла платка разложены по плечам наподобие фаты. Антонина тихо поет псалмы. Марья по приставной лестнице лазает вверх-вниз, стаскивает с чердака каравай.

Настя, молодая прислужница, принимает на руки последний каравай, крестит, складывает на лавку.

МАРЬЯ. Все. Пусто там.

НАСТЯ. Семьдесят шесть, семьдесят семь, семьдесят восемь... Матушка, семьдесят восемь. Все сухие, чистые, мышами не трачены. Слава Богу.

ДУСЯ. Слава Богу.

НАСТЯ. Что, теперь обратно наверх прибрать?

ДУСЯ. Не прибирай. Платочком прикрой, пусть здесь лежат. Они предназначенные.

МАРЬЯ. Голова есть? Красноармеец придет, все возьмет. Голова твоя возьмет. Прячь хорошо.

ДУСЯ (*плаксиво*). Она мне перечит, она мне все перечит. Видит, я больная, и перечит. Не слушает меня. (*Достает из*

постели лоскутных кукол.) Только детки мои меня слушают, хорошие мои деточки, в рай пойдут с Дусенькой. Ниночка-первиночка, Иванушка в синей рубашечке вот... Егорушка где... Слушают. И Царица Небесная слушает... А больше никто меня не слушает... *(Плачет.)*

НАСТЯ. Матушка, голубушка, скажи, все хлеба здесь оставлять?

ДУСЯ. Пресвятая Богородица, они нисколько меня не слушают, послушания не любят, обижают бедную Дусю.

НАСТЯ. Прости Христа ради, матушка. *(Становится на колени.)* Каким платочком велишь прикрыть?

ДУСЯ. Вдовьим, Настенька, вдовьим. Возьми в сундучке зеленом черенькие платочки, их там наготовлено, и покрой мой хлебушек. А ты, Марья, встань перед божничкой и клади поклоны. Сто поклонов.

МАРЬЯ. Марья пять знает, десять знает. Сто не знает!

ДУСЯ. У, какая противная, строптивая... Куда пошла?

МАРЬЯ. Я к Николай Угодничек.

ДУСЯ. Ишь, чего захотела. К Божьей Матери ходи. А Николай Угодничек погодит пока...

Марья подходит к другой иконе и кладет поклоны.

Настя достает из сундука черные платки и покрывает ими хлеба на лавках.

Настя, нет. Эка ты бестолкова! Восемь хлебов не покрывай, их убрать надоть. Они не предназначенные. Деток кормить надо. А семьдесят – покрывай, семьдесят – предназна-

ченные. Антонина, самовар ставь, гость при дверях.

АНТОНИНА. Воды нету, матушка. Прости меня, грешную.

ДУСЯ. А чего же ее нету, воды-то?

АНТОНИНА. Не донесла. Уж на крыльце была, а собака залаяла.

ДУСЯ. Молитву не читала.

АНТОНИНА. Читала, матушка.

ДУСЯ. Значит, безо внимания.

АНТОНИНА. Прости, матушка.

ДУСЯ. И чаю испить не дадут, злыдни какие. День на исходе, они всё самовар не ставят, за водой не ходят. Все ленятся, чаю больной не дадут испить. Накажут тебя, Антонина. Вот мне сон-то снился! *(Смеется ехидно.)* Кто у меня живет, и Вера покойная тоже, все стоят с букетами, и у всех розы, у кого белые, у кого розовые иль голубые, а кто ко мне приходил да приносил милостыню, у того ветки-вайи и можжевеловые, в синих ягодах. А ты, Антонина, и ты, Марья, стоите коло меня с прутьями сухими, потому что не имеете послушания и молитесь плохо.

АНТОНИНА. Матушка, Дусенька, прости меня.

ДУСЯ. Я-то простая, я простю. А вот простит ли Господь, как вы за бедной Дусей плохо ходите, обижаете. *(Плачет.)* И так расстроят, так расстроят, разобидят, и молиться бедной Дусе на дадут. Конфетку принеси, Настасья.

Настя шарит в буфете. Шибуршит бумагой, приносит

Дусе конфетку.

Замучила? Совсем тебя замучила? Сама Дуся конфетки ест, а за ложку меду шумит?

НАСТЯ (*встает на колени*). Прости, матушка, Христа ради. Не сама думала, – враг вложил.

ДУСЯ. Враг, враг вложил. Я твои мысли знаю. (*Расправляет «фату», поправляет бумажные цветы на голове.*) Этого захотела? Вот и я тоже хотела. Ой, как хотела-то! Сам кудрявый, глаз синий-синий был у Проклушки, аж черный. И пояс серебряный, ни у кого такого не было, заморский пояс был. Гуляли мы. Сговорились. Собрали меня к венцу, на свадьбу всего заготовили. Я дочка одна у родителей, а родители мои были не бедные, ой, не бедные. Время-то после Петровок, самое сладкое время. Все зелено, аж слезу вышибает. К венцу идти, а его все нет. Нету жениха, вот что я говорю... Жду. Вдруг вижу, Татьяна, сестра Проклова бегит ко мне через двор, а платок на ней черный. Я и пала наземь, забилась. Меня ну водой отливать. Отливали, отливали. Вишь, живая осталась, только ноженьки мои – все, с тех пор и не вставала я на мои ноженьки. А Прокл что? Сбежал, сгинул, по сю пору в бегах. (*Поет.*) Нина Прокловна ждет, Иван Проклович ждет, Катерина, Евдокия да Егорушка, где наш батенька, где наш папенька, со гостинцы, со картинцы, со приветами... А отпущу я тебя, Настя, добра тебе в том не будет.

НАСТЯ. Видно, мне добра ни в чем не будет.

ДУСЯ. А ты думала? При последних временах живем, на

страдание рожденные.

НАСТЯ. Порадоваться хотела, матушка.

ДУСЯ. Здесь потрудишься, там порадуешься. Там есть еще кто? Пусть взойдет, кто там во дворе.

НАСТЯ. Были странники, да разошлись все.

ДУСЯ. А я тебе говорю, пусть взойдет девка.

Настя выходит, приводит с собой Веру.

НАСТЯ. Вот она, за поленницей притулилась, ее и не видно.

ДУСЯ. Антонина! Ты того, ложечку меду дай ей. Послали, послали ей... Чего такую маленькую ложечку берешь? У, жадина... Или побольше ложечки нет? (*Вера открывает рот, Антонина сует туда ложку с медом.*) Иди, за самоваром смотри. Нечего без дела стоять. (*Вере.*) Ну чего, нагуляла?

ВЕРА. Нет, не нагуляла нисколечки. Он страшный, силком меня взял. Маманя у них уборщицей, я ходила помогать. А маманя заболела, я вместо нее одна пошла. А он навалился. Страшенный, противный. А потом мамка говорит – иди, он тебя зовет. Я и пряталась, и убегала. А мамка говорит – иди, а то совсем убьет. Я и хожу. А тут он мял меня. Говорит, сына родишь – женюсь. А люди говорят, есть у него жена в Тамбове или где. Я думала, он меня сам бросит, я бы потерпела. И что ребеночек, это ничего. А что же теперь, так и жить с ним. Я боюсь его, он страшный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.